

Ирвин Шоу

Молодые львы (фрагмент)

Глава 1

Городок, раскинувшийся у подножия заснеженных вершин Тироля, сиял в белом полумраке веселыми огоньками электрической железной дороги, словно витрина магазина в дни рождественских праздников. На засыпанных снегом улицах нарядно одетые люди — туристы и местные жители обменивались при встречах приветливыми улыбками. Белые и коричневые фасады домов были украшены гирляндами зелени в честь нового, 1938 года, с которым связывалось так много надежд.

Взбираясь на гору, Маргарет Фримэнтл прислушивалась к хрусту плотного снега под лыжными ботинками. И белые сумерки, и доносившееся снизу, из деревни, пение детей вызывали у нее невольную улыбку. Сегодня утром, когда она уезжала из Вены, моросил дождь, и, как всегда бывает в больших городах в такие непогожие дни, все куда-то торопились, у прохожих был какой-то унылый, озабоченный вид. А здесь — величественные горы, ясное небо, ослепительный снег, здоровое, патриархальное веселье. Все это казалось ей особенно милым потому, что она была молода и красива и еще потому, что дни отдыха сулили ей немало удовольствий.

Дорогу местами перемело, и, шагая по неглубокому снегу, Маргарет чувствовала, как сладко ноют ее уставшие ноги. После лыжной прогулки она выпила две рюмки вишневого ликеру, и теперь приятная теплота разливалась по всему ее телу,

Dort oben am Berge,
Da wettet der Wind...¹

— отчетливо и громко звучали в чистом горном воздухе голоса детей.

Da sitzt Maria,
Und wieget ihr Kind²,

---

¹ Там, на горе, открытой ветрам... (нем.) — Здесь и далее примеч. пер.

² Дева Мария о сыне скорбит (нем.)

— тихо пропела Маргарет. Ее радовала не только красивая Мелодия этой нежной песни, но и собственная смелость: плохо зная язык, она отважилась петь по-немецки.

Маргарет была высокая, стройная, изящная девушка с тонкими чертами лица и зелеными глазами. Ее лоб у самой переносицы покрывали типично американские, как утверждал Йозеф, веснушки. При мысли о том, что Йозеф приезжает завтра утренним поездом, Маргарет улыбнулась.

В дверях гостиницы девушка остановилась и бросила прощальный взгляд на величественные вершины и россыпь мигающих огоньков. Потом она с жадностью вдохнула свежий сумеречный воздух, толкнула дверь и вошла в дом.

Холл маленькой гостиницы, украшенный ветками остролиста, наполнял сильный приятный запах обильной праздничной стряпни. Простая комната, обставленная массивной дубовой мебелью, обитой кожей, сверкала той особенной чистотой, которую так часто можно встретить в горных деревушках, где она является столь же неотъемлемой принадлежностью каждого жилья, как столы и стулья.

Через холл как раз проходила фрау Лангерман. С сосредоточенным выражением на круглом пунцовом лице она осторожно несла в руках огромную хрустальную чашу для пунша. Увидев Маргарет, фрау Лангерман остановилась и, широко улыбаясь, поставила чашу на стол.

— Добрый вечер, — сказала она по-немецки своим сладким голосом. — Как покатались?

— Чудесно!

— Надеюсь, вы не слишком устали? — Фрау Лангерман лукаво прищурилась. — Сегодня у нас маленькая вечеринка с танцами. Соберется много молодых людей, и будет очень жаль, если вы придете чересчур усталой.

— Ну, потанцевать-то у меня хватит сил, если меня, конечно, научат, — засмеялась Маргарет.

— Уж вы скажете! — Фрау Лангерман протестующе всплеснула руками. — Это вас-то учить? Да наши ребята танцуют кто во что горазд. Вот увидите, как они обрадуются, когда вы придете. — Она окинула Маргарет критическим взглядом. — Правда, не мешало бы вам быть чуточку пополнее, но тут уж ничего не поделаешь — мода. Всему причиной американские

фильмы. В конце концов, дойдет до того, что только чахоточные женщины будут пользоваться успехом.

Раскрасневшееся и приветливое, словно огонь домашнего очага, лицо фрау Лангерман снова расплылось в улыбке. Она взяла со стола чашу и хотела было уйти, но остановилась.

— Будьте осторожны с моим сынком Фредериком. Уж больно он охоч до девушек! — Она хихикнула и скрылась в кухне.

Маргарет с наслаждением втянула сильный аромат специй и масла, внезапно донесшийся оттуда, и, тихонько напевая, стала подниматься по лестнице в свою комнату.

Вначале гости держались очень степенно. Старшие чинно сидели по углам, а молодые люди, еще не преодолев неловкости, то собирались кучками, то снова рассыпались по комнате, с серьезным видом попивая пунш, обильно сдобренный специями. Девушки, как правило крупные, с сильными руками, одетые в пышные праздничные наряды, тоже чувствовали себя неловко. Был и аккордеонист. Он дважды брался за инструмент, но, так как никто не стал танцевать, музыкант с унылым видом пристроился к чаше с пуншем, предоставив собравшимся развлекаться под патефон с американскими пластинками.

Среди гостей преобладали местные жители: горожане, фермеры, торговцы, родственники семьи Лангерман. С красно-бурыми, загоревшими под горным солнцем лицами, все они в своих аляповатых костюмах выглядели удивительно здоровыми и крепкими. Казалось, они вечно останутся такими, словно их закаленный горным климатом организм не подвластен никаким болезням, никакому разложению, а под их дубленую кожу никогда не проникнет ничто, хотя бы отдаленно напоминающее о приближении смерти. Большинство постояльцев гостиницы Лангермана, выпив из вежливости по чашке пунша, отправились в места повеселее, в более крупные отели, и в конце концов из приезжих осталась одна Маргарет. Пила она немного, потому что решила пораньше лечь спать и хорошенько выспаться: поезд приходил в половине девятого утра, а Маргарет хотела встретить Йозефа бодрой и свежей.

Общество постепенно становилось все оживленнее. Кажется, уже не оставалось молодых людей, с которыми бы Маргарет не прошла в вальсе или фокстроте. Часам к одиннадцати, когда в

душную, заполненную шумной компанией комнату внесли третью чашу пунша, а на потных, потерявших естественные краски лицах не оставалось и следа недавней робости, Маргарет вздумала обучить Фредерика танцевать румбу. Остальные окружили их плотным кольцом и принялись шумно аплодировать девушке, когда она закончила свой урок. Тут и старик Лангерман вдруг выразил непреклонное желание потанцевать с ней. Полный, приземистый, с розовой лысиной, он страшно потел, пока Маргарет под взрывы хохота на плохом немецком языке пыталась растолковать ему тайны замедленного такта и нежного карибского ритма.

— Боже мои! — воскликнул Лангерман, как только смолкла музыка. — И зачем только я потратил все свои годы в этих горах!

Маргарет рассмеялась и поцеловала старика. И снова гости, образовавшие вокруг них тесный круг на натертом до блеска полу, стали громко аплодировать, а Фредерик, ухмыльнувшись, вышел вперед и поднял руку.

— Учительница, а нельзя ли еще раз повторить урок со мной?

Кто-то поставил ту же пластинку, Маргарет заставили выпить еще одну чашку пунша, и они вышли на середину круга. Фредерик отнюдь не отличался изяществом и с трудом поспевал за Маргарет в быстром и живом танце, но девушке приятно было прикосновение его сильных, надежных рук.

Но вот пластинка кончилась, и тотчас заиграл аккордеонист. Развеселившись после доброй дюжины стаканов пунша, он принялся подпевать себе, и вскоре к бархатным, протяжным звукам аккордеона, взлетая к самому потолку высокой, освещенной светом камина комнаты, один за другим стали присоединяться голоса столпившихся вокруг музыканта гостей. Маргарет с покрасневшимся лицом тихонько подпевала. Рядом, обнимая ее одной рукой, стоял Фредерик.

«Как милы и добродушны эти люди, воспевающие наступление Нового года! — думала она. — Как они стараются приспособить свои огрубевшие голоса к нежной музыке! И как они по-детски дружелюбны, как хорошо относятся к посторонним!»

Roslein, Roslein, Roslein rot,
Roslein auf der Heide...³

---

³ Розочка, розочка, розочка красная, розочка что на поляне растет (нем.).

— пели гости. Из общего хора выделялся голос старика Лангермана, то похожий на рев быка, то до смешного заунывный. Маргарет пела вместе с другими. Обводя взглядом лица присутствующих, она заметила, что только один из них не поет. Это был Христиан Дистль — высокий, стройный юноша с рассеянно-серьезным выражением загорелого лица и коротко остриженными черными волосами. В его светлых, отливающих золотом глазах мелькали желтые искорки, похожие на огоньки, появляющиеся иногда в глазах животных. Маргарет заметила его еще во время прогулки, на склонах гор, где Дистль с мрачным видом обучал новичков ходьбе на лыжах, и позавидовала его легкому, длинному шагу. Сейчас Дистль, совершенно трезвый, стоял в стороне со стаканом в руке и с задумчивым, рассеянным видом наблюдал за поющими. На нем была рубашка с открытым воротом, казавшаяся ослепительно белой на его смуглой коже.

Перехватив его взгляд, Маргарет улыбнулась и крикнула:

— Пойте!

Он ответил печальной улыбкой, поднял стакан и покорно запел, но в общем шуме Маргарет не слышала его голоса.

По мере того как приближалась торжественная минута, гости под влиянием крепкого пунша становились все развязнее. В темных углах уже обнимались и целовались парочки. Все громче и свободнее звучали голоса. Теперь Маргарет с трудом понимала смысл песен, наполненных жаргонными словечками и двусмысленностями, от которых пожилые женщины хихикали, а мужчины принимались дико гоготать.

Незадолго до полуночи старик Лангерман взгромоздился на стул, призвал гостей к молчанию и, сделав знак аккордеонисту, заплетающимся языком, но с пафосом заявил:

— Как ветеран войны, трижды раненный на Западном фронте в пятнадцатом — восемнадцатом годах, я предлагаю спеть всем вместе. — Он махнул аккордеонисту, и тот заиграл «Deutschland, Deutschland uber alles»⁴[4].

Маргарет знала эту песню, но в Австрии слышала ее впервые. Она выучила ее еще в пятилетнем возрасте от прислуги-немки и помнила слова до сих пор. Теперь она пела вместе с остальными, чувствуя себя пьяной, все понимающей и не связанной никакими

---

⁴ «Германия, Германия превыше всего» (нем.)

национальными предрассудками. Довольный Фредерик еще крепче прижал девушку к себе и поцеловал ее в лоб, а старик Лангерман, не слезая со стула, поднял стакан и предложил тост: «За Америку! За молодых дам Америки!» Маргарет выпила пунш, раскланялась и чинно ответила:

— От имени молодых дам Америки разрешите сказать, что я в восторге!

Фредерик снова поцеловал Маргарет, на этот раз в шею, но прежде чем она успела решить, как отнестись к этому, аккордеонист заиграл какую-то примитивную, пронзительную мелодию, и ее тут же подхватили хриплые торжествующие голоса. Вначале Маргарет не поняла, что это за песня. Правда, она слышала ее обрывками раз или два в Вене, но там ее открыто не пели. Маргарет и теперь почти не разбирала путаных немецких слов, выкрикиваемых пьяными мужскими голосами.

Фредерик, выпрямившись во весь рост, стоял рядом, продолжая прижимать к себе Маргарет, и она чувствовала, как песня заставляет напрягаться его мускулы. Прислушавшись, девушка в конце концов поняла, что это за песня.

Die Fahne hoch, die Reihen fest geschlossen
S.A. marschirt in ruhig festen Schritt...⁵

— орал Фредерик так, что у него на шее вздувались жилы. И чем дальше слушала Маргарет, тем сильнее вытягивалось ее лицо. Она закрыла глаза и, почувствовав, что слабеет, что ее душит эта режущая слух мелодия, попыталась вырваться из объятий Фредерика, но он крепко сжимал ее талию, и ей волей-неволей пришлось слушать дальше. Взглянув на Дистля, Маргарет заметила, что он молча наблюдает за ней. В его глазах она прочла беспокойство и понимание.

Воинственная, исполненная угроз песня о Хорсте Весселе⁶ подходила к концу, и голоса поющих становились все громче. Когда были допеты последние слова, мужчины застыли в напряженных позах, сверкая глазами, гордые и грозные, а присоединившиеся к хору женщины склонились перед ними,

---

⁵ «Сомкнув в ряды, подняв высоко знамя, штурмовики идут, чеканя шаг. Рот-Фронт разбит, реакция...» (нем.)

⁶ Вессель, Хорст (1907-1930) – недоучившийся студент, с 1926 г. в нацистской партии. Активный член штурмовых отрядов. Убит в драке в трущобах Берлина политическими противниками. Написанная Весселем маршевая песня вспоминалась в Германии как второй гимн Третьего рейха.

словно монахини в опере перед распятием. Только Маргарет и смуглый молодой человек с желтыми искорками в глазах так и простояли молча, прислушиваясь, как замирают в комнате последние раскаты песни.

Послышался тонкий, радостный перезвон церковных колоколов — отраженное горами эхо далеко разнесло его в ночном морозном воздухе. Фредерик все еще не отпускал Маргарет, и девушка вдруг заплакала безудержными, жалкими слезами, ненавидя себя за слабость.

Старик Лангерман поднял бокал. Багровый, как свекла, покрытый потом, обильно струившимся с его лысины, он сверкал глазами так же, наверное, как и в 1915 году, когда только что прибыл на Западный фронт.

— За фюрера! — провозгласил он с глубоким благоговением.

— За фюрера! — Жадные разгоряченные рты прильнули к блеснувшим в пламени камина бокалам. — С Новым годом! С новым счастьем! Да благословит вас бог!

Патриотический экстаз рассеялся. Гости обменивались рукопожатиями, смеялись, хлопали друг друга по спине, целовались — и все это так дружески, по-семейному, совсем не воинственно.

Фредерик повернул Маргарет к себе и попытался поцеловать ее, но она быстро наклонила голову. Не сдерживая рыданий, она вырвалась из рук парня и побежала по лестнице в свою комнату на втором этаже.

— Ох, уж эти мне американские девицы! — услышала она смех Фредерика. — А еще делают вид, что умеют пить!

Маргарет долго не могла успокоиться. Она понимала, что вела себя, как глупая слабонервная девчонка. Стараясь не замечать струившихся слез, она тщательно почистила зубы, причесалась и старательно промыла холодной водой покрасневшие глаза. К утру, к приезду Йозефа, она хотела выглядеть хорошенькой и веселой.

Комната Маргарет с выбеленными стенами сверкала чистотой. Над кроватью висело коричневое деревянное распятие. Маргарет разделась, выключила свет, открыла окно и взобралась на большую кровать. За окном, слетая с заснеженных, залитых ярким лунным светом вершин, завывал ветер. Она вздрогнула от прикосновения холодных простыней, но вскоре согрелась под пуховой периной. Как в детстве в доме у бабушки, простыни пахли свежестью, а в

окне шелестели, задевая за раму, накрахмаленные занавески. Внизу играл аккордеонист, и через несколько дверей чуть слышно доносились мягкие, тоскливые звуки осенних мелодий разлуки и любви. Вскоре она уснула. В холодном полумраке комнаты ее лицо казалось по-детски спокойным и в то же время серьезным и кротким.

Часто бывают такие сны: вас мягко касается чья-то рука, рядом темнеет силуэт человека, вы чувствуете на своей щеке его дыхание, кто-то сжимает вас в сильном объятии.

Маргарет проснулась.

— Тихо! — сказал человек по-немецки. — Я тебе не сделаю ничего плохого.

«Он пил коньяк, — совсем некстати подумала Маргарет. — От него пахнет коньяком».

Несколько мгновений она лежала неподвижно, всматриваясь в глаза человека, горевшие как огоньки в темноте глазных впадин. На нем был костюм из грубой, колючей ткани. Маргарет резко отодвинулась к противоположному краю кровати и хотела сесть, но человек оказался ловким и сильным и снова заставил ее лечь.

— Ах ты зверек, — сказал он, хихикнув и зажимая ей рот рукой. — Маленькая юркая белочка!

Маргарет узнала голос.

— Да это же я, — говорил Фредерик. — Всего-навсего коротенький визит, не бойся. — Он попробовал убрать руку. — Ведь ты же не будешь кричать? — зашептал он с той же насмешкой в голосе, словно забавлялся с ребенком. — Да оно и бесполезно. Во-первых, все пьяны. Во-вторых, я скажу, что ты сама позвала меня, а потом, должно быть, передумала. Мне, конечно, поверят, все знают, что я пользуюсь успехом у девушек, а ты к тому же иностранка.

— Пожалуйста, уйдите, — прошептала Маргарет. — Прошу вас. Я никому не скажу.

Фредерик засмеялся. Он был немного пьян, но не настолько, как хотел казаться.

— Ты милая, очаровательная девочка. Ты самая хорошенькая из всех, кто приезжал в этом сезоне.

— Но почему именно я нужна вам? — с отчаянием спросила Маргарет. — Ведь здесь много других девушек, которые будут рады вам.

— А я хочу тебя. — Фредерик поцеловал ее в шею, как ему казалось, с неотразимой нежностью. — Ты мне очень нравишься.

— А я не хочу! — крикнула Маргарет. — Не хочу!

Она вдруг испугалась, что ее может подвести плохое знание немецкого языка, что она забудет нужные слова и выражения и что какая-нибудь ученическая ошибка станет для нее роковой.

— Это даже интереснее, — продолжал Фредерик, — когда девушка вначале делает вид, что не хочет. Все равно как благородная дама.

Маргарет поняла, что он уже не сомневается в своей победе и просто подсмеивается над ней.

— Многие девушки так себя ведут, — добавил Фредерик.

— Клянусь, я все расскажу вашей матери, — пригрозила Маргарет.

Фредерик тихонько рассмеялся, и смех его в тишине комнаты прозвучал уверенно и непринужденно.

— Можешь рассказать. А как ты думаешь, почему она всегда помещает хорошеньких девушек именно в эту комнату, куда так легко попасть через окно с крыши сарая?

«Нет, это невозможно! — подумала Маргарет. — Невозможно, чтобы эта маленькая, полная, румяная, всегда улыбающаяся женщина, такая аккуратная, такая трудолюбивая и религиозная, развесившая распятия во всех комнатах... А впрочем... — Маргарет вдруг вспомнила неистовый, упорный взгляд и выражение чувственного наслаждения грубой музыкой на потном лице фрау Лангерман там внизу, в холле, когда все они были захвачены пением. — Нет, нет, все возможно, этот глупый восемнадцатилетний мальчишка ничего не выдумывает...»

— Вы часто... — поспешно спросила она, отчаянно пытаюсь отсрочить развязку, — вы часто пробирались сюда таким путем?

Фредерик ухмыльнулся, и Маргарет увидела, как сверкнули его зубы. Немного помолчав, он самодовольно ответил:

— В общем, частенько. Но сейчас приходится быть разборчивым: крышу сарая замело снегом, ноги скользят, забираться трудно. Я иду на риск только тогда, когда девушка уж очень хорошенькая, вроде тебя. — Мягкая, опытная, настойчивая рука снова заскользила по ее телу. Ее руки были прижаты к постели. Она пыталась освободиться, но не могла. Фредерик

держал ее крепко и улыбался, наслаждаясь слабым, усиливающим желанием сопротивлением.

— А ты такая хорошенькая, — шептал он, — у тебя такая фигурка!

— Я сейчас закричу, предупреждаю вас.

— Но ты же себя поставишь в глупое положение, — ответил Фредерик. — Мать осрамит тебя перед всеми гостями и потребует, чтобы ты немедленно уехала, потому что ты заманила ее маленького восемнадцатилетнего сына в свою комнату, а потом устроила скандал. А завтра, когда придет твой друг, об этом будет говорить весь город... — Тон Фредерика был одновременно насмешливым и доверительным. — Я бы посоветовал тебе лучше не кричать.

Маргарет закрыла глаза и несколько минут лежала молча, удерживая подступившие к глазам слезы. Перед ней промелькнули лица всех этих людей, собравшихся вчера на вечеринку, ухмыляющиеся лица злобных заговорщиков, скрытых под личиной чистых и здоровых горцев, строящих против нее козни в своей снежной крепости. Но вот она почувствовала, что Фредерик выпустил ее руки, и мгновенно вцепилась ему в лицо. Маргарет ощущала, как ее ногти раздирают кожу и слышала противный царапающий звук. Она торопилась, пока он не успел снова захватить ее руки.

— Стерва! — яростно вскрикнул Фредерик. Больно сжав ее руки одной рукой, он наотмашь ударил ее другой по губам. Рот девушки окрасился кровью. — Стерва американская! — Она лежала неподвижно, с окровавленным ртом и глядела на него торжествующим и вызывающим взглядом. Низко над горизонтом стояла луна, заливая комнату мирным серебристым светом. Фредерик еще раз ударил ее тыльной стороной кисти. Несмотря на острую боль, Маргарет все же успела почувствовать, как отвратительно пахнут кухней его руки.

— Если вы сейчас же не уйдете, — внятно, преодолевая противное головокружение, произнесла она, — я завтра убью вас. Обещаю вам, что я и мой друг убьем вас.

Фредерик сидел в прежней позе, все еще сжимая руки девушки, и, склонившись над Маргарет, молча смотрел ей в лицо. Из царапин на его лице сочилась кровь, длинные светлые волосы

упали ему на глаза, он тяжело дышал. Потом он нерешительно отвел глаза в сторону и пробормотал:

— Да меня и не интересуют девчонки, которым я не нужен. Овчинка выделки не стоит.

Он выпустил ее руки, с яростью ткнул ее в лицо и слез с кровати, намеренно ударив ее коленом. Потом отошел к окну, облизывая кровоточащие губы, и стал приводить в порядок свою одежду. В холодном свете луны он казался растерянным, жалким и неуклюжим мальчишкой.

Тяжело ступая, Фредерик пересек комнату.

— Я уйду через дверь, — заявил он. — В конце концов, я имею на это право.

Маргарет лежала неподвижно, уставившись в потолок.

Фредерик топтался у двери, не желая уходить побежденным. Маргарет чувствовала, как он лихорадочно подыскивает в своем крестьянском уме какие-нибудь уничтожающие слова, чтобы бросить их ей перед уходом.

— Убирайся к своим евреям в Вену! — крикнул он и скрылся, оставив дверь открытой.

Маргарет встала и осторожно закрыла дверь. Она слышала, как Фредерик, грузно ступая, спустился по лестнице в кухню, и эхо его шагов, отражаясь от старых деревянных стен, казалось, заполнило весь спящий в зимней тишине дом.

Ветер успокоился. В комнате было тихо и холодно. Маргарет дрожала: на ней была только измятая пижама. Она поспешно закрыла окно. Луна скрылась, и ночная мгла начинала медленно бледнеть. Подернутые серой дымкой небо и горы казались мертвыми и таинственными.

Маргарет посмотрела на постель. Все белье было скомкано и измято, одна из простыней была порвана, на подушке виднелись кровавые пятна, наталкивавшие на мысль о чем-то темном и загадочном. Все еще не в силах унять дрожь, чувствуя себя беспомощной и опозоренной, девушка принялась торопливо одеваться. Ноющими от холода руками она натянула свой самый теплый лыжный костюм, две пары шерстяных носков и надела поверх костюма пальто. И все же ей не сразу удалось согреться. Не переставая дрожать, Маргарет уселась в маленькую качалку у окна и стала смотреть на горы, бледные вершины которых, тронутые

первыми зеленоватыми лучами рассвета, будто выплывали из ночной темноты.

Затем зеленую краску рассвета сменила розовая; она стекала вниз по склонам, пока снег не вспыхнул, словно приветствуя наступление утра. Маргарет поднялась и, не взглянув на постель, вышла из комнаты. Она осторожно спустилась по лестнице и проскользнула через тихий дом, в углах которого еще таились последние ночные тени, а в холле витали запахи вчерашнего торжества. Открыв тяжелую дверь, она вышла в сонное голубовато-белое утро нового года.

Улицы были безлюдны. Маргарет бесцельно шла по тропинке между сугробами, чувствуя, как ее легкие наполняются живительным утренним воздухом. Дверь одного из домиков распахнулась, и оттуда выглянула кругленькая, краснощекая, жизнерадостная женщина в домашнем чепце и фартуке.

— Доброе утро, фрейлейн, — сказала она. — Ну разве не замечательное сегодня утро?

Бросив на нее мимолетный взгляд, Маргарет быстро прошла мимо. Женщина озадаченно посмотрела ей вслед и с выражением обиды и гнева на лице захлопнула за собой дверь.

Маргарет свернула с улицы и направилась по дороге в горы. Машинально переставляя ноги и опустив голову, она медленно взбиралась по сверкавшему в первых лучах солнца склону, широкому и безлюдному в этот ранний час. Затем она сошла с дороги и по укатанной поверхности склона направилась к очаровательному, словно детская игрушка, домику для отдыха лыжников, сложенному из толстых бревен. На его невысокой остроконечной крыше толстым слоем лежал снег.

Перед домиком стояла скамья, и Маргарет, внезапно почувствовав себя обессиленной и опустошенной, устало опустилась на нее. Так она сидела, устремив неподвижный взгляд на заснеженные склоны, отлого поднимающиеся к недоступным скалам на вершине горы; залитые багровым светом, они четко вырисовывались на фоне голубого неба.

«Не надо думать об этом, не надо! — твердила она, устремив неподвижный взгляд в уходящую ввысь гору, и, чтобы отвлечься, пыталась представить, в каких местах она сделала бы тот или иной поворот, спускаясь с горы. — Не думай об этом, — приказала она себе и провела кончиком языка по распухшей губе, на которой

запеклась кровь. — Может быть, потом, когда совсем успокоюсь... Особенно опасен глубокий снег там справа вдоль края ущелья. Преодолев вон тот холмик и делая широкий разворот, чтобы обогнуть обнажившиеся камни, придется двигаться вслепую, и можно потерять самообладание...»

— Доброе утро, мисс Фримэнтл, — сказал кто-то рядом.

Маргарет резко повернула голову. Перед ней стоял инструктор-лыжник — тот самый, стройный, дочерна загоревший молодой человек, которому она улыбалась на вечеринке, приглашая петь вместе со всеми под звуки аккордеона. Не отдавая себе отчета, Маргарет вскочила со скамейки и хотела уйти, но Дистль шагнул вслед за ней.

— У вас какая-нибудь неприятность? — вежливо спросил он. У него был звучный и в то же время мягкий голос. Маргарет остановилась, вспомнив, что накануне вечером, когда вокруг нее ревели гости господина Лангермана, а рядом, прижимая ее к себе, орал Фредерик, только этот человек хранил молчание. Она припомнила также, как он взглянул на нее, когда она расплакалась, и как робко пытался показать, что сочувствует ей и разделяет ее огорчение.

— Простите, пожалуйста, — проговорила Маргарет, поворачиваясь к молодому человеку и пытаясь улыбнуться. — Я задумалась, и ваше появление испугало меня.

— Так что же с вами случилось? — Дистль стоял перед Маргарет с непокрытой головой и показался ей еще более молодым и робким, чем на вечеринке.

— Ничего, — Маргарет села. — Я просто наслаждаюсь видом ваших гор.

— Может быть, вы хотите остаться одна? — спросил он и даже сделал было шаг назад.

— Нет, нет, что вы! — воскликнула Маргарет. Она внезапно поняла, что ей нужно с кем-то поговорить о случившемся, сделать какой-то вывод из того, что произошло. Рассказать обо всем Йозефу невозможно, а Дистль вызывал доверие. Он даже походил немного на Йозефа — такой же интеллигентный и серьезный и такой же смуглый.

— Пожалуйста, не уходите! — попросила Маргарет.

Христиан стоял перед ней, слегка расставив ноги, — стройный и собранный, в плотно облегающем фигуру лыжном костюме.

Несмотря на холодный ветер, он ходил с расстегнутым воротом и без перчаток. У него был здоровый цвет лица и оливковая от загара кожа.

Вынув из кармана пачку сигарет, он протянул ее Маргарет. Она взяла сигарету, и Христиан поднес ей зажженную спичку, умело прикрыв ее ладонью от ветра. Совсем рядом Маргарет увидела его уверенные и по-мужски решительные руки.

— Спасибо, — поблагодарила Маргарет. Христиан кивнул и, закурив, сел рядом. Удобно откинув голову на спинку скамейки и прищурив глаза, они молча любовались видом вздымавшейся перед ними горы. Извилистой струйкой поднимался дымок, и первая в это утро сигарета показалась Маргарет крепкой и вкусной.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.